Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/PXHNKY
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ДВА ПОДХОДА К ТОЛСТОВСТВУ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.А. БУНИНА И С. КАРОНИНА (Н.Е. ПЕТРОПАВЛОВСКОГО)

© 2024 г. Я.И. Аров
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 03 июня 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 04 октября 2024 г.
Дата публикации: 25 декабря 2024 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-4-222-243

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 22-18-00347 «Раннее творчество И.А. Бунина: поэзия, проза, критика, публицистика, переводы (1883–1902 гг.)». Автор статьи выражает особую благодарность Е.Р. Пономареву за консультации и советы во время работы над статьей.

Аннотация: В статье рассмотрен вопрос художественных подходов к толстовству в творчестве двух авторов — И.А. Бунина и С. Каронина (Н.Е. Петропавловского). Показано различие этих подходов, обоснованное не только особенностями индивидуального авторского восприятия, но и объективными культурно-историческими предпосылками. Исходя из тезиса Е.В. Агарина о разделении толстовства на две группы, коммунитарную и индивидуалистическую, имеющие также внутреннюю дифференциацию (коммунитарная группа представлена в виде общин и артелей; индивидуалистическая — в виде соседских поселений, в замкнутой хуторской жизни, в феномене бродяжничества), автор выдвигает гипотезу, что Бунин и Каронин в своих произведениях давали не только разный образ толстовства, но и образ принципиально разного толстовства. Подход Бунина заключался в акцентировании индивидуальных воплощений толстовских идеалов, подход Каронина — в репрезентации их общественных форм, что связано напрямую с дискуссиями в народнической среде. Портретные характеристики героев-толстовцев помогают прояснить эту двойственность толстовского учения. В заключении делается вывод, что разность подходов к толстовству в прозе Бунина и Каронина связана с внутренним противоречием толстовского учения, с одной стороны, принципиально отрицающим любой догматизм с позиции контркультурности, антиэтатизма, критики института церкви, с другой — догматизирующего собственные нравственные основания и их общественную презентацию.

Ключевые слова: И.А. Бунин, С. Каронин (Н.Е. Петропавловский), Л.Н. Толстой, толстовство, народничество.

Информация об авторе: Ярослав Игоревич Аров — младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0008-8693-3421
E-mail: yai.arov91@gmail.com

Для цитирования: *Аров Я.И.* Два подхода к толстовству в произведениях И.А. Бунина и С. Каронина (Н.Е. Петропавловского) // Studia Litterarum. 2024. Т. 9, № 4. С. 222–243. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-4-222-243

Studia Litterarum,
vol. 9, no. 4, 2024

TWO APPROACHES TO TOLSTOYISM IN THE WORKS OF I.A. BUNIN AND S. KARONIN (N.E. PETROPAVLOVSKY)

© 2024. Yaroslav I. Arov
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: June 03, 2024
Approved after reviewing: October 04, 2024
Date of publication: December 25, 2024

Acknowledgements: The research was carried out within the framework of the grant of the Russian Scientific Foundation no. 22-18-00347 "I.A. Bunin's Early Work: Poetry, Prose, Criticism, Journalism, Translations (1883–1902)." The author of the article expresses special gratitude to E.R. Ponomarev for his advice and guidance while working on the article.

Abstract: The article raises the question of the artistic representation of Tolstoyism by analyzing the works of two authors, I.A. Bunin and S. Karonin (N.E. Petropavlovsky). The researcher aims to show the difference in writers' approaches, justifying them not only by the peculiarities of individual authors' perceptions but also by objective cultural and historical processes. Based on the thesis of E.V. Agarin about the division of Tolstoyism into two groups, communitarian and individualistic, which also have internal differentiation (the communitarian group is represented in the form of communities and artels; individualistic — in the form of neighboring settlements, in closed farm life, in the phenomenon of vagrancy), the author hypothesizes that Bunin and Karonin in their works gave not only a different image of Tolstoyism but also an image of fundamentally different Tolstoyism. Bunin's approach emphasized the individual embodiments of Tolstoy's ideals, Karonin — in the representation of their social forms, which is directly related to the discussions about Tolstoyism in the populist environment. The portrait characteristics of the Tolstoy characters help clarify this duality of Tolstoy's teaching. The article concludes that the difference in approaches to Tolstoyism in Bunin and Karonin's prose is connected with the internal contradiction of Tolstoy's teaching, on the one hand, fundamentally denying any dogmatism from the standpoint of counterculture, anti-statism, and criticism of the institution of the church, on the other — dogmatizing its moral foundations and their public presentation.

Keywords: I.A. Bunin, S. Karonin (N.E. Petropavlovsky), L.N. Tolstoy, Tolstoyism, populism.

Information about the author: Yaroslav I. Arov, Junior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0009-0008-8693-3421

E-mail: yai.arov91@gmail.com

For citation: Arov, Ya.I. "Two Approaches to Tolstoyism in the Works of I.A. Bunin and S. Karonin (N.E. Petropavlovsky)." *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 4, 2024, pp. 223–243. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-4-223-243

Учение Л.Н. Толстого формировалось постепенно, начиная по крайней мере с 1855 г., когда писатель отметил в своем дневнике желание стать основателем «новой религии <...> очищенной от веры и таинственности» [36, с. 37]. В 1881–1883 гг. эта «религия» обрела первых сторонников — А.В. Алёхина, Н.Н. Ге, И.Б. Фейнермана и др. В то же время появились первые толстовские колонии, самой ранней из которых стал хутор Н.Л. Озмиздова под Москвой [1, с. 11]. Вскоре вышла «Исповедь» (1884), программный текст для всех последователей Толстого. Кроме «Исповеди» писатель опубликовал ряд трудов, посвященных введению или уточнению идей и принципов его учения: принцип «непротивления злу насилием» подробно рассматривался им в трактате «В чем моя вера» (1884); критике церковных догматов посвящена работа «Исследование догматического богословия» (1884); проблемы социально-политического устройства затронуты в эссе «Так что же нам делать?» (1886); вопросы брака и межполовых отношений подняты в послесловии к «Крейцеровой сонате» (1890); о вегетарианстве Толстой подробно писал в трактате «Первая ступень» (1891); идеал самосовершенствования в наиболее общем виде сформулирован в книге «Путь жизни» (1910). Эти и другие элементы толстовского учения встречаются также в ряде писем и статей писателя.

Теория и практика толстовства получила обоснование и в трудах последователей Толстого — в статьях и книгах В.Г. Черткова, В.Ф. Булгакова, Ф.А. Страхова, П.И. Бирюкова, в «Календарях» А.С. Зонова, в журналах «Ясная поляна», «Посредник», «Вегетарианское обозрение».

Толстовцы не только развивали идеи Льва Николаевича, но и активно дискутировали между собой, придерживаясь иногда противополож-

ных позиций по тем или иным вопросам. В этой связи историк Е.В. Агарин в диссертации «Толстовство и толстовские земледельческие колонии в дореволюционной России» [1] выделяет две ветви толстовства — коммунитарную и индивидуалистическую. Первая формировалась под воздействием социально-политических работ Толстого. Антигосударственный и антикапиталистический дух толстовства выразился здесь в создании земельных общин и артелей, в которых, по крайней мере в теории, отсутствовало единоначалие, поскольку иерархия считалась разновидностью насилия. Объединяющим фактором был общий труд. При этом если в общинах равенство труда коррелировало с равенством распределения доходов, то в артелях существовало разделение трудовых повинностей и разница в заработке колонистов. В период 1881–1917 гг. насчитывалось не менее 30 толстовских колоний.

Индивидуалистическое толстовство возникло одновременно с коммунитарным и также основывалось на интерпретации текстов Толстого, исходившего, по мнению некоторых исследователей, «из примата личного начала над общественным» [8, с. 183]. Так, в письме к Д.А. Хилкову от 19 января 1891 г. он критиковал общины за излишнюю формализацию «добрых дел», что, по мнению Льва Николаевича, противоречило принципиальной свободе личности [37, с. 223][1]. Индивидуалистическое направление в толстовстве было довольно неоднородным. Существовали как соседские поселения, с отделенным от коллектива трудом и имуществом, но с элементами взаимопомощи между различными группами поселенцев, так и одиночные хутора, не связанные с какой-либо общинной деятельностью. Кроме того, были так называемые толстовцы-бродяги, не привязанные к конкретному месту.

Несмотря на разнообразие форм, нравственным идеалом для всех коммунитарных и индивидуалистических видов толстовства был идеал «самосовершенствования», который достигался, насколько это вообще возможно, следованием принципам и заповедям учения Толстого (непротивление злу насилием, политический антиэтатизм, контркультурность,

1 Впрочем, В.Г. Чертков в статье «Отношение Л.Н. Толстого к земледельческим колониям» на основе писем последнего доказывал сочувствие писателя общинному земледелию. В частности, он приводил выдержку из письма Толстого к В.Ф. Тотомианцу от 23 января 1910 г.: «...учреждение кооперативов, участие в них — есть единственная общественная деятельность, в которой в наше время может участвовать нравственный, уважающий себя человек, не желающий быть участником насилия...» [26, с. 48].

вегетарианство и т. п.). Антигосударственная риторика роднила толстовцев с революционным народничеством. В то же время практика «опрощения» была родственна деятельности ряда «легальных» народников, которые селились «на земле», чтобы «понять» мужика. На самого Толстого, по мнению его биографов, оказал влияние народник А.К. Маликов и основанное им движение «богочеловеков» [17, с. 38]. В своем отрицании насилия Маликов предвосхитил один из ключевых тезисов толстовства [20, с. 192]. Ряд исследователей [2; 3; 6; 7; 21; 22; 27] по этой причине относят толстовство к радикальному крылу «правого» народничества, находя даже отдельные черты, родственные анархизму М.А. Бакунина [1, с. 23]. Впрочем, синкретизм толстовства вобрал в себя не только народнические элементы, но также элементы различных сект (духоборцев, сютаевцев, молокан) [1, с. 64]. По нашему мнению, генезис толстовства объясняет дальнейшую дифференциацию данного движения.

***

Не являясь целостным учением, толстовство отдельными своими направлениями вызвало неоднозначные отклики в литературной среде. Народники, тяготевшие к коммунитарным идеям, критиковали толстовство за трактовку этих идей в духе опрощения. Первые представители народничества (И.А. Худяков, Н.Д. Ножин, Н.А. Серно-Соловьевич) еще придерживались концепции общинного социализма [10, с. 4], идеализируя социальное устройство деревни 1860-х гг.[2] Однако младшее поколение, к которому принадлежал С. Каронин (псевдоним Н.Е. Петропавловского), относилось к деревне с куда меньшим благоговением. В народнической среде в тот период господствовала мысль Н.К. Михайловского о неспособности угнетенных классов самостоятельно решить социальные противоречия и необходимости просвещения «сверху» [35, с. 338]. Эту просветительскую миссию Михайловский возложил на интеллигенцию. С этой же позиции он критиковал толстовство, поскольку в последнем ситуация была обратной: народ должен был «просветить» интеллигенцию [4, с. 32].

В то же время отдельные писатели-интеллигенты, вдохновленные идеалом самосовершенствования, в индивидуалистической практике на-

2 Однако уже в то время в околонароднической среде существовали и критические отзывы о крестьянских общинах М.А. Бакунина и Н.Г. Чернышевского.

ходили наиболее последовательное воплощение толстовского принципа свободы. Большая их часть, как впрочем, и большая часть коммунитарных толстовцев, была разночинцами [1, с. 145]. Вслед за Агариным мы определяем разночинство как явление классовое, а не сословное. В класс разночинцев можно включить и обедневшие дворянские семьи. Из обедневшего мелкопоместного дворянства происходил И.А. Бунин. Его отношение к толстовству отличалось от отношения Петропавловского уже по той причине, что, не будучи сторонником коммунитариев, он тем не менее лично знал жизнь земельных общин, поскольку провел большую часть детства в усадьбе родителей в деревне Озёрки. Возможно, поэтому он не рассматривал крестьянство, подобно народникам, как материал для формирования просвещенных людей, а, напротив, находил в его «святой простоте» много поучительного и правдивого.

***

Обратимся теперь к конкретизации различий рецепции толстовства в художественной прозе. Придерживаясь позиции Михайловского, Каронин в рассказах «Ученый» (1880), «В лесу» (1887), «Светлый праздник» (1887) и других произведениях обличал «темноту» деревни. Советские критики делали акцент на этом обличении, поскольку народническая идеология противоречила большевистской. По этой причине Петропавловского часто исключали из народников, воспринимали его как провозвестника разложения земельной общины [23]. В этом выводе есть доля истины, однако необходимо отметить, что в публицистике автор придерживался более лояльных позиций, так же как и многие народники, находя в общинном идеале альтернативу капиталистическому пути [24, с. 138], но с акцентом на необходимость преобразования общины по «просветительскому» сценарию Михайловского.

Эта позиция в корне отличалась от идеологии толстовских коммун. Петропавловский был скептичен по отношению к общинам, исповедующим опрощение [25, с. 136]. В 1890 г. он отговаривал от создания такой общины А.М. Горького [32, т. 11, с. 66].

В 1891 г. вышла его повесть «Борская колония» (1891), где образ интеллигентской общины сочетал в себе толстовские и общенароднические элементы. Первые активно отстаивает герой повести, «ученый» крестья-

нин Алексей Семеныч, считающий, что придет время, когда «настанет одна любовь и мир» [33, т. 2, с. 274]. В споре с другим персонажем, мужиком Антоном Петровичем, он выдвигает концепцию «земного рая», в котором каждый будет жить по совести [33, т. 2, с. 273]. Антон Петрович отвечает на это, что нельзя распространять земные понятия на небесные [33, т. 2, с. 273], но для него представляется важным не сам предмет спора, а победа в нем и последующее унижение оппонента. Внешний облик Антона Петровича («...со своею смешанною физиономией, в которой счастливо сочетались морда лисы, челюсти волка, глаза кошки, движения дворовой собаки и тонкий голос рябчика» [33, т. 2, с. 273]) гармонирует с увертливостью его мысли, способностью логически аргументировать любую позицию (в этом аспекте герой напоминает одного из самых эпатажных толстовцев-бродяг И.М. Клопского, любившего «ошеломлять неожиданными выходками, дерзостями, словом, всей той манерой вести себя, при помощи которой он довольно сытно и весело шатался из города в город» [28, с. 76].

В числе иных персонажей, важных для раскрытия противоречий между толстовскими идеалами и их воплощением на практике, отметим Кугина и Верочку. Первый, подобно многим толстовцам, подражает мужику буквально во всем: носит красную рубаху, «подпоясанную грубым поясом <...> точь-в-точь как у деревенского мужика» [33, т. 2, с. 297], пасет, кормит и поит скот, «даже язык у него был похож на деревенский» [33, т. 2, с. 298]. В стремлении уподобиться мужику он доходит до того, что берет в жены крестьянскую девушку Наталью, не испытывая к ней каких-либо чувств, а только по причине ее происхождения. Верочка воспринимает «седение на земле» только в качестве новой моды, она высказывает свое отвращение к действительности крестьянской жизни, к деревенскому быту, насмехается над повадками и невежеством Натальи.

Среди героев выделяется Грубов, который с самого начала скептически относится к перспективам создания интеллигентской общины, хотя и принимает в ней самое деятельное участие. Характерна речь Грубова, подмечающая противоречия толстовского идеала самосовершенствования: «Что может быть идеального в том, что человек вместо сапогов наденет коты, вместо городской квартиры будет жить в избе и вместо добывания хлеба косвенным путем будет царапать его из земли? Что идеального в том, что человек головою своей будет подпирать воз с соломой, а душу свою

закопает в землю, окружив себя миллионами пустяков? И что идеального будет в жизни человека, который забудет других и займется своим совершенством?» [33, т. 2, с. 329]. В соответствии с идеями Михайловского, Грубов занимается образовательной деятельностью, обучая Наталью грамоте и наукам.

Грубов — единственный герой-интеллигент, изображенный Карониным с симпатией. Литературовед Е.Г. Чернова находит автобиографические черты в образе данного героя: писатель также одно время был увлечен идеей А.И. Эртеля о создании общины, однако довольно быстро разочаровался в ней [25, с. 137]. Подобно герою повести, Петропавловский выступал против практики «самосовершенствования» на земле, полемизируя с авторами журнала «Неделя» [25, с. 137]. Грубов как народник-реалист противопоставлен народнику-идеалисту Неразову, хозяину Борского хутора, в котором происходят основные события повести. Неразов — поклонник «Недели», он верит, что общинный идеал способен привести к «райской жизни», дать всему обществу «хлеб насущный».

В финале повести Наталья, узнав об измене Кугина с Верочкой, кончает с собой, выпив крысиный яд. После этого события колония распадается. Ряд деталей позволяет предположить, что в основу финального эпизода был положен действительный случай в толстовской колонии в Самаре, основанной К.М. Сибиряковым в 1886 г. [1, с. 164]. Колония просуществовала до 1889 г. и распалась после того, как одна из общинниц отравила себя [34, с. 81]. Описание этого эпизода в книге С.Н. Кривенко «На распутье» (1895) схоже с развязкой повести Каронина: «...один из прежних колонистов женился на дочери крестьянина, которая заведовала хозяйством. Когда прибыли в колонию новые элементы и, между прочим, две девицы из культурных <...>. Молодая крестьянка, по всей вероятности, почувствовала, что <...> ей трудно будет не проиграть в глазах мужа, в сравнение с барышнями, которые умели по целым дням и вечерам вести бойкие интеллигентные разговоры. Так это было или иначе, — наверное трудно сказать, но все это разрешилось тяжкой драмой: она неожиданно отравилась» [34, с. 81]. Вероятно, Петропавловский знал о случившемся в сибиряковской общине, хотя каких-либо документальных свидетельств этому не имеется[3].

3 К тому же самоубийства в толстовских колониях не были явлением исключительным [1, с. 204].

В повести «Учитель жизни» (1891) Каронин продолжил последовательную критику толстовского учения. Если в «Борской колонии» с негативных сторон изображено опрощение интеллигенции, то здесь проверке подвергается сама теория толстовства, в ее индивидуалистическом преломлении. Сюжет построен вокруг фигуры Дениса Чехлова, в годы юности воспринявшего «веяние одного нравственного учения» [33, т. 2, с. 371], но воспринявшего внешне, как спасение от ненавистного мира: «Учение не явилось для него в виде солнечного луча, осветившего ночь, и не сделало его умственно богаче; читая и обдумывая его, он не испытывал ни восторга, даваемого истиной, ни любви, доставляемой милым, дорогим предметом, — нет, он почувствовал в себе только прилив самоуверенности и бесстрашия перед жизнью, которая была до сих пор темна и холодна; такою она и после того осталась у него, только теперь он запасся на всякий случай крепким, внушительным оружием» [33, т. 2, с. 372]. Что характерно для данной повести и в целом для «толстовских» повестей Каронина, герой ни в одном фрагменте не назван толстовцем, и сам он себя так не идентифицирует. Его принадлежность к толстовству можно определить лишь косвенно, что сделали еще самые первые критики. Они обратили внимание на идеи персонажа, которые буквально воспроизводят отдельные фрагменты учения Толстого, вплоть до скрытого цитирования: «Разум — это творческая сила мира, совершившая и совершающая все нами видимое. Любовь — это сила охраняющая, связывающая, придающая всему красоту <…>. Разум осветил для меня весь механизм жизни, любовь же объяснила мне все отношения, все связи, все основы жизни…» [33, т. 2, с. 414]; «Разум не имеет границ, любовь не должна отливаться в формы. Границы создают глупость, формы создают идолов» [33, т. 2, с. 415]; «Истина не только одна, но она вечна и безусловна. Она написана в вашем сердце и в вашем разуме» [33, т. 2, с. 426]. Здесь толстовские размышления о разуме и любви в противовес сказанному говорятся и без любви (автор подчеркивал равнодушие, холодность и даже ненависть Чехлова), и без разума (Чехлов использует противоречивые суждения, утверждая как догму адогматизм любви и разума). Толстовство Чехлова также проявлено и в важнейшем принципе «непротивления злу насилием», на это указывает речь персонажа во фрагменте: «…я совсем перестаю отвечать, когда мне грозят сжатыми кулаками, и только говорю: “На, бей!”» [33, т. 2, с. 413].

Вероятно, прототипом Чехлова стал уже упоминавшийся в связи с «Борской колонией» Иван Клопский [17, с. 87]. По крайней мере на эту мысль наводят детали внешнего портрета (жесткие черты, холодный взгляд, злая и хитрая улыбка) и манера поведения героя, изобилующая парадоксами и внезапными переходами от патетики к сарказму, от возвышенного пафоса к холодным рациональным объяснениям: «Вчера он еще произносил громкие слова, а сегодня исключительно объяснялся при помощи площадных звуков; сейчас он переругивается с рабочими, а через час перед благородною публикой будет вести благородные разговоры. И это все делается просто, почти наивно» [33, т. 2, с. 419] (ср. с характеристикой Клопского в «Освобождении Толстого»).

«Многоязычность» Чехлова направлена на открытие «механизма» личности: «...это было его наслаждение, подобно наслаждению механика, разбиравшего разные машины» [33, т. 2, с. 419]. Личность, согласно теории Чехлова, по выражению одного из героев повести, должна совершить коренной переворот в самой себе для восприятия чехловских же истин, т. е. по сути отказаться от собственной личности, типизироваться. Подход героя к «учительству» чисто формальный, заученный как догма. Поэтому и продукт его деятельности — лишь внешнее изменение личности и ее жизни. Это хорошо видно на примере самого Чехлова, который за всем формализмом толстовской проповеди все еще остается тем же человеком, ненавидящим окружающую действительность. Наиболее полную характеристику Чехлову дает героиня Александра Яковлевна: «Я еще не видала человека с большим преобладанием головы над сердцем... Такие люди не живут, а только думают, да, пожалуй, и не думают, а только наблюдают свои думы. <...> ...Ум его сильный и в то же время ничтожный. Мысли его не дают плода, они только борются между собой» [29, т. 2, с. 475]. Таким образом, опровергается и рационализированная любовь героя, как существующая только в теории, и сама теория, как не имеющая никакого практического выхода.

Еще одна повесть Каронина, косвенно связанная с толстовством, вышла раньше двух приведенных выше, но в ней критика толстовских идеалов еще не выкристаллизовалась столь явно, как это случится позднее. Это повесть «Мой Мир» (1888), впервые опубликованная в 1888 г. в журнале «Рус-

ская мысль» (№ 2–4)[4]. Сюжет повести в целом повторяет народническую схему «об исцелении на лоне природы, в здоровом труде, среди здоровой среды издерганного, нравственно изболевшегося интеллигента» [33, т. 1, с. XXXIII]. Центральный герой Варин, мучимый противоречиями между возвышенностью мысли и неприметностью действительности, попадает в дом крестьянина Петра Митрофановича. В деревенской среде, в ее простом обиходе, он чувствует «душевный покой», постепенно приобщается к ручному труду, помогает в готовке еды Василисе и Даше, жене и дочери хозяина избы [33, т. 2, с. 60].

Вскоре Варин погружается в крестьянскую жизнь, однако вместе с тем он чувствует, что ручной труд замещает собой интеллектуальный: «Темные силы, владевшие деревенскою жизнью, отразились и на мне... Я хорошенько не могу определить, в чем выражается это темное настроение. Это какая-то пугливость и слабость ума» [33, т. 2, с. 75]. Характерен в этой связи внутренний монолог героя ближе к финалу повести, проясняющий позицию Петропавловского: «На свете нет ничего дороже мысли. Она — начало и конец всего бытия, причина и следствие, движущая сила и последняя цель. Кто же заставит меня отказаться от нее? Люди прекрасны только в той мере, в какой вложена в них эта мировая сила. Если мир окутывает еще тьма, то потому только, что мысль не осветила ее; если среди людей большая часть подлых, то только потому, что мысль не освободила еще их от безумия. Какой же смысл отказываться от нее? Я останусь в деревне, но значит ли это, что я должен опрокинуть тот жертвенник, который поддерживает мою веру, и разбить того бога, выше которого нет ничего в человеческой жизни? Моя мысль, мои познания — ведь это все, что есть только лучшего во мне; но если это лучшее для меня, то в то же время необходимое и для всех людей, кто бы они ни были — мужики, женщины, дети. Небольшая заслуга сделаться работником; небольшая заслуга “выпачкать лицо навозом” и в этот же навоз втоптать свою душу. Слепые вожди — те, которые, унижая человеческий ум и все то, что он добыл с такими кровавыми жертвами, проповедуют слияние с тьмой. Позорное употребление из своего ума делает тот, кто поднимает невежество на пьедестал...» [33, т. 2, с. 100]. В «слепых вождях» узнаются проповедники толстовского опрощения,

4 Хотя замысел повести возник еще в 1879 г. [32, т. 2, с. 588].

критике которых писатель, как было показано выше, уделял много внимания, как в творчестве, так и в жизни.

***

У Бунина образ толстовства в ранний период творчества наиболее ярко передан в рассказе «На даче» (1895). Во время создания рассказа Бунин находился под сильным впечатлением от фигуры Толстого, о чем вспоминал позднее: «В ранней молодости я был совершенно влюблен в него» [28, с. 73]. Резкий антагонизм Каменского и семьи Примо в первоначальном варианте текста мог быть результатом этой «влюбленности». Правда, к толстовцам Бунин относился сдержанней: недолюбливал И.М. Клопского, А.А. Волкенштейна, Д.А. Хилкова, своего наставника в Полтаве И.Б. Файнермана описывал как «нестерпимого ритора» [28, с. 76–78]. Эти полтавские толстовцы «были типичны; за некоторыми исключениями, это был совершенно несносный народ» [28, с. 75].

С.Н. Морозов и Ю.Г. Морозова в статье «Ответное слово И.А. Бунину (архиепископ Иоанн Шаховской о Л.Н. Толстом)», основываясь на письмах к писателю о. Киприана и воспоминаниях Т.Л. Толстой, акцентировали внимание на этом различии в отношении Бунина к учению Толстого и к «практикам» его последователей: «Разочарование в толстовцах не помешало Бунину думать о Льве Николаевиче как о пророке и учителе жизни» [14, с. 215]. Этот момент исследован довольно подробно: «Духовным учителем» Бунина называет Толстого Н.Р. Миронова [13, с. 111]; вопрос о мифологизации Толстого в бунинской прозе поднимали К.В. Анисимов [2], Е.Р. Пономарев [17; 18], В.В. Курьянова [11]. Кажется преувеличением утверждение Курьяновой, что «уже в юном возрасте Бунин создает в своем сознании авторский толстовский миф» [11, с. 144], однако определенно, что Толстой, как персонаж Бунина, наделялся сверхчеловеческими чертами, что в первую очередь с ним, а не с его последователями связано увлечение Бунина толстовством.

Но совсем умалять влияние толстовцев на писателя не стоит. Критика последователей Толстого в большинстве своем имела позднее происхождение, не затрагивала непосредственных переживаний Бунина во времена его толстовской «практики». Это критика уже постфактум. О том, что отношение Бунина к толстовцам менялось, можно судить уже по его ран-

нему творчеству. Образ Каменского в рассказе «На даче» противоречит образу «типичных» толстовцев из «Освобождения Толстого»[5]. Облик Каменского благороден, красивое «открытое» лицо с «ясным взглядом больших голубых глаз навыкате» [29, т. 2, с. 106] сочетается с нарочитой простотой, подчеркнутой стилизацией под мужика: русой бородой, крестьянской одеждой [29, т. 2, с. 114]. Соответствует его облику и быт Каменского: скудная пища, простой ручной труд, все говорит о презрении к светской культуре. С точки зрения Гриши толстовец явно выделяется на фоне семьи Примо и ее окружения.

В описании оппонентов Каменского Бунин задействовал эпитеты с негативной коннотацией: Бобрицкий похож на жирафа «своей маленькой головой и большой, длинной фигурой в клетчатой паре» [29, т. 2, с. 126], Петр Алексеевич Примо выглядит представительно, держится гордо, как «богатые люди из ресторанов среди кланяющихся лакеев» [29, т. 2, с. 128], образ дополняет слегка опухшее от алкоголизма лицо и небольшое брюшко [29, т. 2, с. 128]. Его собутыльник Илья Подгаевский производит самое нелицеприятное впечатление: «...старческое лицо его, лицо скопца и алкоголика, было желто и испито; длинные, монашеские волосы жидкими темными космами падали на плечи; маленькие агатовые глаза неестественно блестели» [29, т. 2, с. 128], все это дополняется «тщедушной» фигурой Подгаевского, отсутствием двух верхних зубов и прочими «изъянами» внешности. На брата Гриши «толстого Игнатия в широком, мешковатом костюме из чесучи было смешно смотреть. Он неуклюже бегал среди дужек и поминутно снимал соломенную шляпу, обтирая платком круглую, коротко остриженную голову и красное лицо» [29, т. 2, с. 121]. Доктор, приехавший вместе с Петром Алексеевичем, похож «на цыгана. Заспанный, добродушный, он все старался казаться трезвым и поэтому расшаркивался, подымал плечи и хриплым голосом говорил любезности дамам» [29, т. 2, с. 135].

Различиям внешнего вида и поведения соответствует моральный портрет героев: Каменский выступает с толстовской проповедью, последовательно воспроизводит речь Толстого [16, с. 187]. За ужином в поместье

5 То, что в лице Каменского изображен именно «типичный» толстовец, ясно из письма Бунина С.Н. Кривенко от 1 июня 1896 г.: «...я отправил Вам свою новую работу — рассказ “Сутки на даче”. Как увидите, он касается современных людей; между другими, я в нем хотел нарисовать тип “толстовца”; “толстовцев”, замечу при этом, я знаю очень хорошо...» [31, с. 220].

Примо он говорит о важности следования заповедям добра и любви, он настроен против проституции, поскольку она является инструментом насилия, в споре с Игнатием Каменский утверждает важность познания истины «сердцем». На недовольство Игнатия тем, что Каменский говорит тоном поучения, толстовец отвечает: «— Я не поучаю… я говорю только то, что мне кажется истиной… Я не насилую вас — это главное» [29, т. 2, с. 130]. Для Каменского существует бесспорная правда, которую нельзя решить как уравнение, с помощью разума. Его доводы о врожденности человеческой добродетели, подкрепленные цитатой из Тертуллиана («Еще Тертуллиан сказал, что душа христианка» [29, т. 2, с. 132]), построены не логически, имеют иные основания, корни которых стоит искать в буддизме, индуизме, авраамических религиях. Толстовец и сопоставляет свое видение любви и разума с фигурами Вишны, Будды, с египетским богом Фта [29, т. 2, с. 131]. Но, как и Толстой, Каменский использует данные вероучения в основном для обоснования гуманистической этики, игнорируя их мифологию и мистику.

Оппоненты упрекают Каменского в софизмах и казуистике. Добру и любви, существующим, по мнению последнего, объективно, как фактор человеческой природы, они противополагают релятивистскую мораль («— А почему я должен поклоняться добру? — вмешался Подгаевский, внезапно останавливаясь против Каменского» [29, т. 2, с. 131]; «— Добро, Любовь… А если я не верю Тертуллиану вашему…» [29, т. 2, с. 132]). Толстовское учение о «должном» и «не должном» высмеивается Петром Алексеевичем: «— Я слышу разговор о Толстом, — продолжал Петр Алексеевич, оглядывая всех и подчеркивая слова, — и вот мне перестало хотеться того, чего прежде хотелось, и стало хотеться того, чего прежде не хотелось. И когда я понял то, что понял, я перестал делать то, чего не надо делать, и стал делать то, чего не делал и что нужно делать» [29, т. 2, с. 128]. Подгаевский и Бернгард защищают проституцию: «…при современных условиях <…> необходимое учреждение…» [29, т. 2, с. 133]. На проповедь единения Бернгард отвечает насмешкой, попутно иронизируя над толстовским тезисом о непротивлении злу насилием [29, т. 2, с. 133].

Элементы антагонизма между семьей Примо, ее окружением и одинокой фигурой Каменского встречаются во всех вариантах рассказа. Однако они особенно заметны в первой публикации 1897 г., вышедшей в сборнике

«На край света и другие рассказы» (1897). В версии 1912 г., опубликованной в книге «Перевал и другие рассказы» (1912), часть противоречий сглажена, Бунин убрал отдельные фрагменты, в которых противопоставленность персонажей проявлялась слишком явно: в частности, была существенно сокращена сцена между Гришей и Гарпиной в начале рассказа, выставлявшая героя в невыгодном свете [15, с. 645]. Колебания Гриши, его ироничное презрение к Каменскому, ряд высказываний, в которых герой негативно отзывается о толстовце, — все это было вычеркнуто из текста 1912 г.

Изменения коснулись и других героев рассказа. Подробная история текста «На даче» прослежена А.Ю. Павловой в статье «Рассказ И.А. Бунина “На даче”: от сборника “На край света” до Полного собрания сочинений (1915)» [15]. Анализ внесенных Буниным правок привел исследовательницу к гипотезе о постепенном отходе писателя от толстовских позиций [15, с. 636].

В контексте толстовской тематики интерес также представляет рассказ «В августе» (1901), ранние варианты которого содержат фрагмент, сокращенный в позднейших публикациях: «И теперь, постояв на площади, я решил отправиться в гости к толстовцам за город: все-таки это были единственные мне близкие люди» [30, с. 147]. В итоговом тексте (в Полном собрании сочинений 1915 г.) убрана часть «все-таки это были единственные мне близкие люди». По нашему мнению, здесь так же, как и в рассказе «На даче», прослеживается связь между отношением к толстовству и биографией писателя. Вероятно, для раннего Бунина интерес представляла не только фигура Льва Николаевича, но и теории и практики его последователей, роль которых уже в зрелом возрасте он переосмыслил. Поэтому «близость» толстовцев в итоговом тексте рассказа не акцентирована.

Исходя из этой гипотезы можно выделить два этапа бунинского восприятия толстовства: рецепцию, непосредственно связанную с участием писателя в толстовском движении, о которой мы можем судить лишь косвенно, и позднейшую рефлексию о Толстом и его учении. Отход от толстовства как социального движения, таким образом, не означал окончательного разрыва с идеями Льва Николаевича, но, напротив, позволил определить их более явно, отсеять привнесенные в них В.Г. Чертковым, В.Ф. Булгаковым и др. элементы. Толстовство и в зрелом творчестве Бунина находило вполне видное место, о чем свидетельствуют уже упомянутая книга «Освобожде-

ние Толстого» и другие произведения, например неоконченный рассказ «На извозчике», являвшийся, по определению Е.Р. Пономарева, самым толстовским рассказом Бунина [19].

***

Приведенный выше анализ показывает принципиальное различие бунинской и каронинской рецепций толстовства, как в позиции по отношению к самому движению, так и в подходе к учению Льва Николаевича. Если для Петропавловского толстовство неприемлемо ни в каких формах, но особенно в коммунитарной, то для Бунина очевидно трепетное отношение к толстовским идеям и на ранних, и на поздних этапах творчества. Вместе с тем позиции Бунина далеки от общинного идеала, к которому тяготела часть интеллигенции. В его произведениях обыкновенно фигурирует личность, со всеми ее чаяниями, исканиями, моральными дилеммами. Тема толстовства у Бунина имеет явный автобиографический след: какое-то время писатель вращался в толстовских кругах, планировал опроститься. Петропавловский, следовавший за просветительским идеалом «культурного» народничества, и к толстовству подходил именно с просветительских, утилитарных позиций. Для него проблема опрощения была проблемой не личности, а общества, ведь опрощение не могло привести к общественному прогрессу.

Два этих подхода, как было показано в самом начале, явились следствием двойственности толстовского учения, соединявшего в себе и социально-политическую критику, и проблемы аксиологии личности. Хотя сам Толстой превыше всего ставил идеал «самосовершенствования», трактовка этого идеала была двойственной, ведь самосовершенствование могло пониматься и в марксистском духе, как прогресс личности, встроенной в процесс трудовой организации общества, и в духе Фихте, как индивидуальность, сама себя конструирующая.

Несмотря на то что ряд исследователей [5; 9; 12] определяли толстовство в качестве «рациональной религии» (или «рациональной мистики»), эта рациональность касалась только отдельных элементов онтологии данного учения, но не его понятийного базиса. Теория толстовства не была в достаточной степени унифицированной, что привело к многообразию выводов о ее практической применимости. Отсюда художественное вос-

приятие ее как совокупности различных стратегий. Разность восприятия, наслоенная на разницу в мировоззрении, вела не только к разноо́бразности толстовства, но и к различию акцентов: народник Петропавловский описывал другое толстовство, бывшее уже продуктом интерпретации последователей учения Льва Николаевича. Описывал в качестве внешнего наблюдателя, подмечая изъяны, в первую очередь общественной, теории последнего. Бунин же подходил к толстовству изнутри, с позиции личного опыта, приобретенного в период его участия в движении. Поэтому нет ничего удивительного в позднейшем сведении им толстовства к жизненному пути самого Толстого и только его, к «освобождению», трактуемому в буддистском смысле как преодоление смерти через смерть. Это освобождение есть «главное указание к пониманию его (Толстого. — *Я.И.*) всего» [28, с. 7]. И это освобождение вместе с тем есть вся жизнь Толстого [28, с. 7]. Такая персоналистская трактовка явилась закономерным результатом эволюции индивидуалистического подхода писателя к толстовскому учению.

Список литературы

Исследования

1 *Агарин Е.В.* Толстовство и толстовские земледельческие колонии в дореволюционной России: дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2016. 373 с.

2 *Анисимов К.В.* Толстовские претексты в прозе Бунина: на границе прапамяти и историзма // Лев Толстой и время. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2010. Вып. 5. С. 94–105.

3 *Антонов В.Ф.* Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 5–19.

4 *Блохин В.В.* Становление доктрины «либерального социализма» Н.К. Михайловского: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 41 с.

5 *Бонч-Бруевич В.Д.* Избранные сочинения: в 3 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. Т. 1. 411 с.

6 *Зеленин Ю.А.* К вопросу о принадлежности Л.Н. Толстого к народничеству // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2016. № 12–13. С. 276–281.

7 *Калиничева З.В.* К вопросу о социальной сущности идей толстовства // XXVIII Герценовские чтения. Научный атеизм, этика, эстетика. Л.: [Б. и.], 1975. С. 51–58.

8 *Канев С.Н.* Революция и анархизм. М.: Мысль, 1989. 328 с.

9 *Клибанов А.И.* Из мира религиозного сектантства: Встречи. Беседы. Наблюдения. М.: Политиздат, 1974. 255 с.
10 *Колокольцев М.Г.* Раннее народничество в России: 1860-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004. 24 с.
11 *Курьянова В.В.* Миф о Льве Толстом в творческом сознании И.А. Бунина // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 2. С. 143–148. DOI: 10.37882/2223-2982.2023.2.16
12 *Мелешко Е.Д.* Учение Л.Н. Толстого и современные дискуссии о соотношении религии и нравственности в российском обществе // Л.Н. Толстой в движении эпох: философские и религиозно-нравственные аспекты наследия мыслителя и художника. Тула; М.: [Б. и.], 2011. Ч. 1. С. 43–53.
13 *Миронова Н.Р.* Рецепция философских идей Л.Н. Толстого в творчестве И.А. Бунина // История науки: сборник статей участников VII Межвузовской научно-практической конференции аспирантов, Москва, 28 октября 2019 года. М.: МГПУ, 2020. С. 111–118.
14 *Морозов С.Н., Морозова Ю.Г.* Ответное слово И.А. Бунину (архиепископ Иоанн Шаховской о Л.Н. Толстом) // 80-летие елецкой филологии: Материалы Международной научной конференции, Елец, 17–19 октября 2019 года. Елец: Елецкий гос. ун-т им. И.А. Бунина, 2019. С. 212–222.
15 *Павлова А.Ю.* Рассказ И.А. Бунина «На даче»: от сборника «На край света» до Полного собрания сочинений (1915) // И.А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 633–647. DOI: 10.22455/AB-978-5-9208-0675-8-633-647
16 *Пономарев Е.Р.* Жанровый генезис и сюжетология ранней прозы И.А. Бунина // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 4. С. 178–193. DOI: 10.22455/2500-4247-2022-7-4-178-193
17 *Пономарев Е.Р.* И.А. Бунин и Л.Н. Толстой: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. 376 с.
18 *Пономарев Е.Р.* Отзывы современников о книге И.А. Бунина «Освобождение Толстого» // Русская литература. 1995. № 4. С. 168–171.
19 *Пономарев Е.Р.* Самый толстовский рассказ И.А. Бунина // Новое литературное обозрение. 2020. № 2 (162). С. 298–308.
20 *Пономарев Е.Р.* Толстовское непротивление в контексте Серебряного века, русской революции и русской эмиграции. Часть I // Новый филологический вестник. 2023. № 3 (66). С. 190–198. DOI: 10.54770/20729316-2023-3-190
21 *Пруцков Н.И.* Идеи социализма в русской классической литературе. Л.: Наука, 1969. 467 с.
22 *Рашковский Е.Б.* Об одной из социально-психологических предпосылок политической институционализации в развивающемся обществе (еще раз о проблеме

«популизма» в странах третьего мира) // Общество, элита и бюрократия в развивающихся странах Востока. М.: Наука, 1974. Кн. 1. С. 59–81.

23 *Самосюк Г.Ф.* Н.Е. Каронин-Петропавловский (1857–1892) // Русские писатели в Саратовском Поволжье. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1964. С. 146–161.

24 *Федорова В.И.* Эволюция социально-революционных идеалов в позднем народничестве // Народники в истории России: межвузовский сборник научных трудов. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2016. Т. 2. С. 130–147.

25 *Чернова Е.А.* Каронин и народничество 80-х годов // Художественный образ и историческое сознание: Межвузовский сборник. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 1974. С. 126–142.

26 *Чертков В.Г.* Отношение Л.Н. Толстого к земледельческим колониям (по неизданным письмам) // Голос минувшего. 1913. № 10. С. 46–64.

27 *Fedotov G.P.* The Religious Sources of Russian Populism // Russian Review. 1942. Vol. 1. No. 2. P. 27–39. URL: http://www.jstor.org/stable/125199 (дата обращения: 15.05.2024).

Источники

28 *Бунин И.А.* Освобождение Толстого. YMCA-PRESS, PARIS, 1937. 254 с.

29 *Бунин И.А.* Полн. собр. соч.: в 6 т. Пг.: Изд. Т-ва А.Ф. Маркс, 1915. Т. 2. 247 с.

30 *Бунин И.А.* Три рассказа: 1. Костер, 2. Перевал, 3. В августе // Русская мысль. 1901. № 8. С. 141–150.

31 *Бунин И.А.* Письма 1885–1904 годов. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 767 с.

32 *Горький М.* Полн. собр. соч.: в 25 т. М.: Наука, 1971. Т. 11. 616 с.

33 *Каронин С. (Н.Е. Петропавловский)*. Сочинения: в 2 т. М.: ГИХЛ, 1958.

34 *Кривенко С.Н.* На распутьи. Культурные скиты и культурные одиночки. М.: Изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1901. 339 с.

35 *Михайловский Н.К.* Литературная критика: статьи о русской литературе XIX — начала XX в. Л.: Худож. лит., 1989. 608 с.

36 *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 100 т. М.: Терра-Terra, 1992. Т. 47. 615 с.

37 *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 100 т. М.: Терра-Terra, 1992. Т. 65. 372 с.

References

1 Agarin, E.V. *Tolstovstvo i tolstovskie zemledel'cheskie kolonii v dorevoliutsionnoi Rossii* [*Tolstoyism and Tolstoy Agricultural Colonies in pre-Revolutionary Russia: PhD Dissertation*]. Nizhniy Novgorod, 2016. 373 p. (In Russ.)

2 Anisimov, K.V. “Tolstovskie preteksty v proze Bunina: na granitse prapamiati i istorizma” [“Tolstoy's Pretexts in Bunin's Prose: On the Border of Ancient Memory

and Historicism"]. *Lev Tolstoy i vremia* [*Leo Tolstoy and Time*], vol. 5. Tomsk, Tomsk University Publ., 2010, pp. 94–105. (In Russ.)

3 Antonov, V.F. "Narodnichestvo v Rossii: utopiia ili otvergnutye vozmozhnosti" ["Narodnichestvo in Russia: Utopia or Rejected Possibilities"]. *Voprosy istorii*, no. 1, 1991, pp. 5–19. (In Russ.)

4 Blokhin, V.V. *Stanovlenie doktriny "liberal'nogo sotsializma" N.K. Mikhailovskogo* [*The Formation of the Doctrine of "Liberal Socialism" by N.K. Mikhailovsky: PhD Thesis, Summary*]. Moscow, 2006. 41 p. (In Russ.)

5 Bonch-Bruevich, V.D. *Izbrannye sochineniia: v 3 t.* [*Selected Works: in 3 vols.*], vol. 1. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1959. 411 p. (In Russ.)

6 Zelenin, Iu.A. "K voprosu o prinadlezhnosti L.N. Tolstogo k narodnichestvu" ["On the Question of L.N. Tolstoy's Belonging to Narodniks"]. *Uchenye zapiski Altaiskogo filiala Rossiiskoi akademii narodnogo khoziaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii*, no. 12–13, pp. 276–281. (In Russ.)

7 Kalinicheva, Z.V. "K voprosu o sotsial'noi sushchnosti idei tolstovstva" ["On the Question of the Social Essence of the Tolstoyism Ideas"]. *XXVIII Gertsenovskie chteniia. Nauchnyi ateizm, etika, estetika* [*28th Herzen Readings. Academic Atheism, Ethics, Aesthetics*]. Leningrad, [S. n.], 1975, pp. 51–58. (In Russ.)

8 Kanev, S.N. *Revoliutsiia i anarkhizm* [*Revolution and Anarchism*]. Moscow, Mysl' Publ., 1989. 328 p. (In Russ.)

9 Klibanov, A.I. *Iz mira religioznogo sektantstva: Vstrechi. Besedy. Nabliudeniia* [*From the World of Religious Sectarianism: Meetings. Conversations. Observations*]. Moscow, Politizdat Publ., 1974. 255 p. (In Russ.)

10 Kolokol'tsev, M.G. *Rannee narodnichestvo v Rossii: 1860-e gg.* [*Early Populism in Russia: The 1860s: PhD Thesis, Summary*]. Barnaul, 2004. 24 p. (In Russ.)

11 Kur'ianova, V.V. "Mif o L've Tolstom v tvorcheskom soznanii I.A. Bunina" ["The Myth of Leo Tolstoy in the Creative Mind of I.A. Bunin"]. *Sovremennaia nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriia: Gumanitarnye nauki*, no. 2, 2023, pp. 143–148. DOI: 10.37882/2223-2982.2023.2.16 (In Russ.)

12 Meleshko, E.D. "Uchenie L.N. Tolstogo i sovremennye diskussii o sootnoshenii religii i nravstvennosti v rossiiskom obshchestve" ["Tolstoy's Teaching and Modern Discussions on the Relationship Between Religion and Morality in Russian Society"]. *L.N. Tolstoi v dvizhenii epokh: filosofskie i religiozno-nravstvennye aspekty naslediia myslitelia i khudozhnika* [*Leo Tolstoy in the Movement of Epochs: Philosophical and Religious Moral Aspects of the Heritage of the Thinker and the Artist*]. Tula, Moscow, [S. n.], 2011, pp. 43–53. (In Russ.)

13 *Mironova N.R.* "Retseptsiia filosofskikh idei L.N. Tolstogo v tvorchestve I.A. Bunina" ["The Reception of Leo Tolstoy's Philosophical Ideas in the Works of Ivan Bunin"]. *Istoriia nauki: sbornik statei uchastnikov VII Mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii aspirantov, Moskva, 28 oktiabria 2019 goda* [*The History of Science:*

Proceedings of the VII Interuniversity Scientific and Practical Conference of PhD Students, Moscow, October 28, 2019]. Moscow, Moscow State Pedagogical University Publ., 2020, pp. 111–118. (In Russ.)

14 Morozov, S.N., and Iu.G. Morozova. "Otvetnoe slovo I.A. Buninu (arkhiepiskop Ioann Shakhovskoi o L.N. Tolstom)" ["Reply to Ivan Bunin (Archbishop John Shakhovskoy About Leo Tolstoy)"]. *80-letie eletskoi filologii: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Elets, 17–19 oktiabria 2019 goda* [*80th Anniversary of Yelets Philology: Proceedings of the International Scientific Conference, Yelets, October 17–19, 2019*]. Yelets, Bunin Yelets State University Publ., 2019, pp. 212–222. (In Russ.)

15 Pavlova, A.Iu. "Rasskaz I.A. Bunina 'Na dache': ot sbornika 'Na krai sveta' do Polnogo sobraniia sochinenii (1915)" ["Ivan Bunin's 'At the Summer Home' Story: From the 'To the World's End' Collection to the Complete Works (1915)"]. *I.A. Bunin i ego vremia: konteksty sud'by — istoriia tvorchestva* [*Ivan Bunin and His Time: Contexts of Fate — History of Creativity*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 633–647. DOI: 10.22455/AB-978-5-9208-0675-8-633-647 (In Russ.)

16 Ponomarev, E.R. "Zhanrovyi genezis i Siuzhetologiia rannei prozy I.A. Bunina" ["Genre Genesis and Plot Theory of Ivan Bunin's Early Prose"]. *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 4, 2022, pp. 178–193. DOI: 10.22455/2500-4247-2022-7-4-178-193 (In Russ.)

17 Ponomarev, E.R. *I.A. Bunin i L.N. Tolstoi* [*I.A. Bunin and L.N. Tolstoy: PhD Dissertation*]. St. Petersburg, 2000. 376 p. (In Russ.)

18 Ponomarev, E.R. "Otzyvy sovremennikov o knige I.A. Bunina 'Osvobozhdenie Tolstogo'." ["Reviews of Contemporaries on the Book by I.A. Bunin 'The Liberation of Tolstoy'."] *Russkaia literatura*, no. 4, 1995, pp. 168–171. (In Russ.)

19 Ponomarev, E.R. "Samyi tolstovskii rasskaz I.A. Bunina" ["Ivan Bunin's Most Tolstovian Story"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 2 (162), 2020, pp. 298–308. (In Russ.)

20 Ponomarev, E.R. "Tolstovskoe neprotivlenie v kontekste Serebrianogo veka, russkoi revoliutsii i russkoi emigratsii. Chast' I" ["Lev Tolstoy's Non-Resistance in the Context of the Silver Age, Russian Revolution and Russian Emigration. Part 1"]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 3 (66), 2023, pp. 190–198. DOI: 10.54770/20729316-2023-3-190 (In Russ.)

21 Prutskov, N.I. *Idei sotsializma v russkoi klassicheskoi literature* [*Ideas of Socialism in Russian Classical Literature*]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. 467 p. (In Russ.)

22 Rashkovskii, E.B. "Ob odnoi iz sotsial'no-psikhologicheskikh predposylok politicheskoi institutsionalizatsii v razvivaiushchemsia obshchestve (eshche raz o probleme 'populizma' v stranakh tret'ego mira)" ["About One of the Socio-Psychological Premises of Political Institutionalization in a Developing Society (Once Again about the Problem of 'Populism' in the Third World Countries)"]. *Obshchestvo, elita i biurokratiia v razvivaiushchikhsia stranakh Vostoka* [*Society, Elite and Bureaucracy in the Developing Countries of the East*], book 1. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 275–293. (In Russ.)

23 Samosiuk, G.F. “N.E. Karonin-Petropavlovskii (1857–1892)” [“N.E. Karonin-Petropavlovskiy (1857–1892)”]. *Russkie pisateli v Saratovskom Povolzh’e* [*Russian Writers in the Saratov Volga region*]. Saratov, Privolzhskoe knizhnoe izdatel’stvo Publ., 1964, pp. 146–161. (In Russ.)

24 Fedorova, V.I. “Evoliutsiia sotsial’no-revoliutsionnykh idealov v pozdnem narodnichestve” [“The Evolution of Social Revolutionary Ideals in Late Narodnichestvo”]. *Narodniki v istorii Rossii: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [*Narodniks in the History of Russia: Interuniversity Collection of Research Papers*], vol. 2. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2016, pp. 130–147. (In Russ.)

25 Chernova, E.A. “Karonin i narodnichestvo 80-kh godov” [“Karonin and Narodnichestvo of the 80s”]. *Khudozhestvennyi obraz i istoricheskoe soznanie: Mezhvuzovskii sbornik* [*Artistic Image and Historical Consciousness: Interuniversity Collection*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1974, pp. 126–142. (In Russ.)

26 Chertkov, V.G. “Otnoshenie L.N. Tolstogo k zemledel’cheskim koloniiam (po neizdannym pis’mam)” [“L.N. Tolstoy’s Attitude to Agricultural Colonies (According to Unpublished Letters)”]. *Golos minuvshego*, no. 10, 1913, pp. 46–64. (In Russ.)

27 Fedotov, Georgy Petrovich. “The Religious Sources of Russian Populism.” *Russian Review*, vol. 1, no. 2, 1942, pp. 27–39. Available at: http://www.jstor.org/stable/125199 (Accessed 15 May 2024). (In English)